Научная статья

УДК 165.4 + 167 + 130.2

doi: 10.17223/1998863X/69/8

МЕТАЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ «ДИФФУЗНОГО ЦИНИЗМА»

Ангелина Валерьевна Петрова

*Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия,
angelina.gukovaa@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции концепции «диффузного цинизма» П. Слотердайка с эпистемологических позиций. В ходе реконструкции обнаружен ряд эпистемологических затруднений, которые автор статьи предлагает решать с помощью метаэпистемологического анализа. Демонстрируется актуальность метаэпистемологического анализа для эпистемологических теорий.

Ключевые слова: цинизм, метаэпистемология, П. Слотердаик, субъект, истина

Для цитирования: Петрова А.В. Метаэпистемологический анализ концепции «диффузного цинизма» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 69. С. 66–75. doi: 10.17223/1998863X/69/8

Original article

META-EPISTEMOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT “DIFFUSE CYNICISM”

Angelina V. Petrova

Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russian Federation, angelina.gukovaa@yandex.ru

Abstract. This article continues the author’s attempts to explore the phenomenon of modern cynicism from an epistemological standpoint. The author has already published an article on cognitive strategies of a postmodern subject against the background of the unfolding cynical attitude of consciousness [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2022. Vol. 67. P. 27–35]. The object of research in this article is the concept “diffuse cynicism” by Peter Sloterdijk, which in the first part of the work is reconstructed as epistemological. In the course of this reconstruction, the author reveals a number of epistemic difficulties that lead to an internal contradiction within the framework of the theory and the impossibility of its further reconstruction without solving these difficulties. The author points out the nature of these difficulties, demonstrates that such epistemic difficulties are not unique to the concept analyzed and extend to epistemological theories in general. In particular, the question arises about the legality of Sloterdijk’s normative judgments in relation to the subject, while being a subject, and, therefore, falling under their own normative descriptions. To solve this difficulty, the author turns to the possibility of identifying subjects of different epistemological status. She demonstrates that it is possible to detect and identify such subjects using meta-epistemological analysis. A brief analysis of the main features of such an analysis is proposed. The second part of the article presents a meta-analysis of Sloterdijk’s concept. The author proposes to distinguish between subjects of different status, referring, firstly, to the motives underlying the nomination of epistemological judgments by subjects and, secondly, to the assessment of specific statements of the subject in a particular situation from the standpoint of the pragmatic, semantic and practical status of these statements. Using the example of the meta-analysis of

Sloterdijk's concept "diffuse cynicism", the author shows the relevance and importance of meta-epistemology for epistemological theories.

Keywords: cynicism, meta-epistemology, Peter Sloterdijk, subject, truth

For citation: Petrova, A.V. (2022) Meta-epistemological analysis of the concept "diffuse cynicism". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 69. pp. 66–75. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/69/8

Концепция «диффузного цинизма» П. Слотердайка, изложенная в работе «Критика цинического разума», является одним из наиболее фундаментальных исследований цинизма как феномена, сквозной нитью проходящего через всю историю человеческой культуры. Она послужила отправной точкой для дальнейшего рассмотрения «цинизма» в качестве особого типа сознания и мироощущения, присущего современному человеку, и в том числе является обнаружением и анализом различных модусов бытия постсовременного субъекта, носителя этой формы сознания. Предложенное автором понимание постсовременного субъекта подразумевает множество полей смысла, в том числе и эпистемологическое, которое мы попытаемся реконструировать и подвергнуть анализу в данной статье.

Думается, что модель взаимоотношения субъекта с «истиной» и «знанием» в концепции П. Слотердайка подана через указание на особую, «циническую» установку сознания, формирующую специфику миропонимания и мироотношения современного субъекта, которого с полным правом можно назвать «циническим субъектом». Подобный статус предписывает ему ряд характерных черт, особым образом регламентирующих его взаимоотношения с социальной средой, культурой, другими субъектами и информацией.

В рамках своей концепции философ говорит о современном человеке и его восприятии действительности, истины этой действительности, которое так или иначе ангажировано множественными условиями социального и исторического характера – тем наследием, от которого современный субъект не может отказаться. Как для Ф. Ницше мораль есть искаженное понимание вывернутой наизнанку «воли к власти» раба, позволяющая ему реализовать свое неотъемлемое стремление, так и современный субъект, по мысли П. Слотердайка, захвачен «цинизмом» – «пограничной разновидностью меланхолии» [1. С. 32], позволяющим реализовывать себя в переменчивом современном социуме. П. Слотердаик указывает на особую рефлексивность современного субъекта, которую можно охарактеризовать как диффузную (т.е. присущую каждому), не осознаваемую им и основанную на травматичном социокультурном опыте, который включает в себя описанные философом в эссе «Ничемный человек возвращается, или Конец одного алиби» стыд и вину за все допущенные ошибки XX в., а шире – унаследованное постсовременным субъектом тотальное разочарование в рациональном проекте эпохи Просвещения [2].

Даже если субъект непосредственно не участвовал ни в одном из этих событий, сопричастность наследуется им и присваивается себе как личная. Такое состояние амбивалентно включает в себя и невозможность отринуть вину и желание отказаться от последствий психологического и социального давления этой установки посредством минимизации своей вовлеченности в происходящие и хоть сколько-то значимые события.

Поскольку это состояние оказывается весьма разрушительно для индивида, его активности и творческих сил, постольку свою особую рефлексивность он пускает в ход для сохранения собственной целостности и из соображений своего удобства. П. Слотердаик указывает на то, что человек создает для себя комфортное пространство, и этот процесс, по замечанию В.И. Кудрявцевой, можно интерпретировать как «витальную экспансию», которая и обустроивает это пространство через воображение и интерпретацию самого человека [3]. Такое пространство отнюдь не крепкое и фундаментальное, напротив, оно хрупкое, интимное и сферическое, и П. Слотердаик описывает его как «пузырь» или «сферу», которой индивид окружает себя по собственному желанию.

Так, одними из наиболее эмоционально затратных для современного субъекта являются отношения с информацией и «истиной», поскольку любое «знание» в классическом толковании воспринимается как репрессивное, навязанное и подавляющее, а сам статус знания кардинально меняется. Причиной такого отношения является то, что, по мысли П. Слотердайка, циничское сознание – это сознание, усвоившее установки Просвещения. В свою очередь, Просвещение трактуется философом как подрывной и деструктивный диалог об истине, поскольку заявленная форма поиска истины в нем заведомо отличается от ее фактического исполнения. В частности, он указывает, что всякий раз, когда Просвещение сталкивалось с трудностями в ведении свободного диалога, который был бы основан на заинтересованности и желании людей открывать истину, когда оно сталкивалось с сопротивлением и упорством в виде нежелания участника диалога расставаться со своими иллюзиями, оно предпринимало репрессивные меры, объявляя оппонента врагом Просвещения.

Избегая той сложности, в которую превращается взаимодействие со знанием и вообще информацией в постсовременном мире, избирательная циничская рефлексивность, вшитая в современную форму субъективности, призвана устраивать для субъекта мир наименее затратным с точки зрения психоэмоциональных ресурсов образом. Эпистемологическую стратегию современного субъекта можно интерпретировать как амбивалентную, поскольку субъект одновременно избегает любого знания в его классическом смысле, но стремится эмоционально и адаптивно встроиться в социальную реальность, отыскивая для себя хоть сколько-нибудь устойчивые формы «легитимации» знания, главным критерием которых будет соответствие той реальности, которую индивид выстраивает для себя [4].

Постсовременный циничский субъект воспринимает истину по большей части релятивно, и на первый план для него выходит уже вовсе не соответствие объективной реальности, а многообразные прагматические критерии: локализация психоэмоциональных трат, удобство, соответствие социальным ожиданиям и т.д. Иными словами, индивиды намеренно выбирают действие в соответствии с собственными интересами, эгоистической шкалой ценностной ориентации. Аргументом в пользу такого действия становится уверенность в том, что любой на их месте поступил бы таким же образом, а «возможно, еще хуже» [1. С. 33]. При таком рассмотрении сам цинизм становится исторически последней формой «ложного сознания», следующей, по мысли П. Слотердайка, за откровенной ложью, непреднамеренным заблуждением

либо сознательно искажающей социальную реальность идеологией. Решающей мыслью «Критики цинического разума» является утверждение о повсеместном распространении цинизма как патологического всеобщего умонастроения, существующего как «фундаментальная установка личности, соотносящаяся с положением вещей в мире» [1. С. 36]. Следовательно, во взаимоотношения постсовременного цинического субъекта со «знанием» уже «вшиты» социокультурные обстоятельства происхождения знания и оценка как этих знаний, так и указанных обстоятельств самим субъектом.

При рассмотрении эпистемологического среза концепции П. Слотердайка мы сталкиваемся с рядом неизбежных затруднений, которые требуют детального обзора и обсуждения. Забегая вперед, следует заметить, что обнаруживаемые сложности не являются уникальными и присущими исключительно описываемой концепции, напротив, стоит подчеркнуть их универсальность и свойственность для эпистемологических теорий.

Прежде всего стоит обратить внимание, что представленный П. Слотердайком анализ формы сознания современного субъекта тоже производится субъектом и выдвигается в рамках теории, отправной точкой которой является утверждение о «диффузности» цинической установки для современного субъекта. Возьмем программное утверждение П. Слотердайка о том, что всякий современный субъект – циник, воспринимающий мир через эту установку сознания особым искаженным образом. Но и П. Слотердаик – субъект, который сам находится в описанных им социальных условиях, а значит, должен приобретать и все постулируемые черты такого субъекта, в том числе и специфику отношения со знанием и истиной. Тогда на чем основано эпистемическое обоснование собственных утверждений автора? Являются ли его высказывания в таком случае нормативными? Можем ли мы оценить их как объективные?

Речь идет о том, на каком основании мы можем посчитать высказывания субъекта отражающими действительность. Решением может послужить разграничение эпистемологического статуса субъектов и обнаружение условий, при которых субъект может формулировать и выдвигать эпистемологические суждения, которые возможно оценить и интерпретировать с точки зрения их нормативности и истинности. Возникает вопрос: можем ли мы признать, и на каких основаниях, что исследователь, в данном случае П. Слотердаик, – это субъект иного эпистемического статуса?

Уже одни эти вопросы указывают потребность всякой эпистемологической теории в метаанализе в форме своеобразной саморефлексии со стороны эпистемологической теории. На примере данной позиции мы видим необходимость обращения к вопросам методологии формирования эпистемических высказываний, которые можно обнаружить в эпистемологических теориях, и оценке причин и способов их получения. Мы попытаемся ответить на эти вопросы, при этом продемонстрировав, что подобный метаанализ является актуальным в отношении теорий, затрагивающих вопрос об истине и взаимоотношениях с ней, в том числе со стороны субъекта.

Прежде всего, что мы подразумеваем под метаэпистемологическим анализом. С точки зрения Д. Планкетта и Т. Макферсона, «метаэпистемология – это такое исследование, цель которого состоит в том, чтобы объяснить, как фактические эпистемологические мышление и речь – и то, о чем (если вооб-

ще о чем) мы думаем и говорим, – вписываются в реальность» [5. С. 71]. Иначе говоря, авторы статьи подразумевают, что метаэпистемология стремится не столько оценить эпистемические высказывания или предложить им альтернативу, сколько отыскать основание реальных эпистемических мыслей, понять и объяснить, как соотносятся мышление, речь и реальность в конкретных эпистемологических высказываниях, а также о чем идет речь в этих высказываниях.

Таким образом, метаэпистемологический взгляд на эпистемологические утверждения позволяет обнаружить теоретические проблемы и сложности, неизбежно встречающиеся в эпистемологических теориях, поскольку акторами данных теорий являются субъекты, вступающие в эпистемологические дискуссии. Стоит заметить, что между субъектом и текстом всегда обнаруживаются некоторые обстоятельства, влияющие на формирование и понимание реальности.

Метаэпистемологический подход позволяет анализировать отношения между высказыванием и реальностью и их отношениями с точки зрения непротиворечивости. Например, по Д. Планкетту и Т. Макферсону, вопрос «что это за психическое состояние – мысль о том, что что-то является знанием» [Там же. С. 72], является примером метаэпистемологического анализа, поскольку затрагивает проблематику того, как в конкретном случае работает фактическая эпистемическая мысль и как можно описать и интерпретировать это состояние. Таким образом, метаанализ может быть эффективен для того, чтобы рассмотреть с точки зрения субъектов разного эпистемического статуса, какие процессы происходят в сознании субъекта, вступающего во взаимоотношения с реальностью и высказывающегося о ней, и как мы можем исследовать такого субъекта.

Согласно метаэпистемологическому анализу, мы должны смотреть на конкретные эпистемологические высказывания конкретных субъектов, учитывая их культурную, социальную, этическую обусловленность. Здесь мы можем более отчетливо говорить о том, что эпистемологический статус субъекта будет зависеть в том числе и от того, какую позицию занимает данный субъект в определенный момент времени в рамках живого взаимодействия, дискуссии. Д. Кюнцле отмечает, что значимое место в метаэпистемологии занимает изучение эпистемологического, прагматического и семантического статуса эпистемологических суждений [6]. Такой статус мы можем обнаружить именно в конкретной ситуации, в пределах которой и было высказано суждение. Иначе говоря, для понимания статуса этих суждений, нам нужен контекст.

Эпистемологический статус будет говорить нам о том, какова степень принятия суждения и его обоснованности в рамках ситуации, насколько суждение соответствует реальности для субъекта, выдвигающего суждение. В рамках прагматического статуса мы обнаружим, какие цели преследовал субъект, выдвигающий суждение, что он привнес в понимание и интерпретацию этого эпистемического суждения. Иначе говоря, речь здесь идет о полезности этого суждения, содержащейся в нем оценки или интерпретации для человека. В рамках семантического статуса мы будем смотреть на смысловую нагруженность суждения, на его отношение к действительности с точки зрения заключенного в нем смысла.

Этот этап позволит нам подтвердить или опровергнуть гипотезу о субъектах разного эпистемического статуса. Нашей главной задачей является необходимость ответить на вопрос: можем ли мы говорить о том, что не каждый субъект ангажирован циническим сознанием или же что есть способы возвышения над этой «избирательной цинической рефлексивностью», которыми мы можем воспользоваться для возможности выдвигать нормативные эпистемические суждения о субъекте, тем самым выделяя как особый тип эпистемического субъекта того, кто занимает позицию «исследователя».

Далее, если мы говорим о возможности обнаружить разные типы субъектов с точки зрения их статуса, то на какие свойства «исследователя» мы должны ориентироваться, чтобы признать его субъектом другого статуса, как того, кто воспринимает (или стремится воспринимать) и излагает истину в ее классическом смысле, как соответствие действительности? Что имеет отношение к тому, что мы отметим выводы и концепцию исследователя как истинную? По каким критериям мы могли бы исследовать ее? Как мы могли бы оценить его конститутивную попытку получить знание? Например, является ли его исследование компетентным, т.е. является ли оно результатом последовательной, точной и надежной (т.е. повторяющейся в соответствующих условиях) оценки собранных фактов и наблюдений. Можем ли мы быть уверены, что это не случайный вывод, а действие, имеющее под собой определенный набор оснований? Оценивая вышесказанное, мы можем обнаружить, что в основании эпистемологической позиции субъекта лежит комплекс из множества аспектов, говорящих нам о том, как исследователь пришел к данному конкретному выводу и что лежало в основании этого вывода. И что позволит нам оценить его позицию как позицию, отличную по эпистемологическому статусу от позиции субъекта, которого он подвергает исследованию. Таким образом, в качестве основных аспектов анализа мы выделяем необходимость обращать внимание на интеллектуальный уровень исследователя, причины, побудившие его на это исследование, саму форму исследования и поведение исследователя в процессе, что в определенном смысле обращает наше внимание на моральную составляющую исследования, относящуюся непосредственно к исследователю, его мотивам и задачам, которые он ставит перед собой.

В таком случае стоит детализировать и ключевые психологические феномены, которые могут повлиять на принятие решения исследователем, например, убежденность, неверие, вера, доверие, установки когнитивного или некогнитивного характера. Л. Загзебски в своей работе «Эпистемологические ценности» указывает на важность обнаружения «интеллектуального мотива» – определения характера и мотивации исследователя для решения вопроса о нахождении и дальнейшем анализе основания, которое служит базой для выдвижения исследователем эпистемических суждений [7]. Таким образом, следующий этап метаанализа – обнаружение и комплексная интерпретация ценностей, мотивов и побуждений автора концепции как субъекта, занимающего особую позицию исследователя. Такой подход позволит нам ответить на вопрос, действительно ли субъекты разного эпистемического статуса различаются в своих эпистемических суждениях. Различаются ли основания, которые позволяют выдвигать суждения у субъектов разного эпи-

стемического статуса, и можем ли мы действительно обнаружить такое различие.

Думается, что указанную мотивацию мы можем обнаружить внутри самой теории через определение места, роли и природы знания и понимания в рамках выдвинутой концепции. А также через обнаружение отношения к знанию и истине со стороны того, кто выдвигает о них суждения.

Следовательно, для решения указанных нами эпистемических затруднений мы должны провести метаанализ по двум пунктам:

1. Оценить высказывание субъекта с точки зрения конкретной ситуации, в рамках которой было выдвинуто это высказывание, по его прагматическому, семантическому и практическому статусу.

2. Оценить «исследователя» с точки зрения его ценностей и мотивов как «исследователя», которые мы можем обнаружить внутри самой теории через определение места и природы знания и понимания в ней.

Стоит задаться вопросом: что такое истина с точки зрения цинического субъекта и что говорит об истине и как к ней относится сам П. Слотердаик? Если сам цинический субъект столкнется с указанием на собственную «циничность», например, прочитает работу П. Слотердайка, то скорее всего понимание ускользнет от него, заместится установками, в которых он будет утверждать, что именно его знание о реальности «трезвое», «незамутненное» и ни в коем случае не имеет отношение к цинизму. Именно так работает «циническая рефлексия».

Ранее в статье мы говорили о формировании жизненной «сферы» – поля собственных понимания и интерпретации, с помощью которых цинический субъект и будет сохранять и подкреплять свои суждения, что необходимо для минимизации психоэмоциональных трат. «Циник» совершает своего рода сдвиг концептуального образа мира, релятивизируя истину, и, таким образом, эпистемическая, прагматическая и семантическая оценка статусов его эпистемических высказываний будет зависеть от самого важного для такого субъекта критерия – психоэмоционального комфорта, призванного адаптировать субъекта к ризомной и переменчивой постсовременной социальности. Примерами таких высказываний могут послужить встреченные в повседневных диалогах суждения: «истина переменчива», или «истиной будет то, что я считаю таковой», или «знаю я, как все обстоит на самом деле». Иначе говоря, истина для цинического субъекта – это результат частных переговоров, частных дискуссий и иных форм организации самой повседневности.

Таким образом, если мы рассмотрим эпистемические высказывания цинического субъекта с точки зрения их эпистемологического, прагматического и семантического статуса, то обнаружим, что контекстом и мотивом каждой ситуации, в которой цинический субъект выдвигает суждение, будет стремление сохранить свою целостность и активность в социуме любыми средствами, которые будут ему доступны.

Именно в этом и проявляется диффузность современного цинизма, он не стремится к индивидуальной ориентированности, поскольку его основной мотив – адаптивный, стремление интегрироваться в социальную реальность, соотнести себя с событийным рядом и специфическим образом отреагировать на него, не привлекая к себе внимания и не пытаясь что-либо менять. Цинический субъект действует так, потому что это наиболее простой, экономич-

ный и понятный путь существования в декорациях постсовременности. Цинизм «фундаментальная установка личности, соотносящаяся с положением вещей в мире, которая уже не бросается в глаза так, как этого можно было бы ожидать исходя из сложившегося представления о нем» [1. С. 36].

Применяя метаанализ к концепции П. Слотердайка, мы должны повторить проделанный путь и отыскать мотивы, которые лежали в основании его действий, а также обратить внимание на компетентность, с которой исследователь способен не только выдвигать суждения, но и подвергать их критике. Если мы обратимся к мотиву, который побудил П. Слотердайка создать свою концепцию, то обнаружим, что автор говорит следующее: «исследование цинизма станет основой для славной свободы от всяческих иллюзий» [Там же. С. 23].

Сам П. Слотердаик возражает против способа действовать, познавать мир, выдвигать и обосновывать эпистемические суждения, которым руководствуется цинический субъект. Для него суждения цинического субъекта об истине неприемлемы прежде всего потому, что они не требуют от него никакого умственного напряжения и труда. Более того, философ предлагает историческое решение проблемы «цинизма», которое заключается в возрождении «кинизма» как позиции, требующей усилия и работы над собой каждого в отдельности. Если современный «цинизм» нацелен на достижение жизненных благ, то «кинизм», иронично относится к частным потребностям и желаниям, сознательно их ограничивая, тем самым устраняя зависимость от ценностей постсовременного сообщества.

Согласно П. Слотердайку, цинизм – это не ложь в ее целенаправленной форме, это заблуждение, которое проистекает из логической или смысловой ошибки в рассуждении, однако цинизм фундирует это заблуждение, поскольку так он позволяет сохранить идентичность и субъекта, сформированную вокруг такого заблуждения. В своей работе П. Слотердаик не придерживается пафоса обвинителя, напротив, его разговор о цинизме – это разговор об истине как главной ценности Просвещения. В то же время он обнаруживает в самом Просвещении подрывной мотив, искажающий не саму истину, но ее понимание и способ ее отыскания, который в особом виде и наследует «циник».

П. Слотердаик указывает на то, что современный цинизм – это ложное сознание, тогда как истинной формой цинизма должен стать «нео-кинизм», возврат к античному кинизму как критически настроенной, ищущей и думающей форме сознания. В своей работе П. Слотердаик стремится не только к тому, чтобы критиковать циническую установку сознания, но и обнаружить ее, высветить ее и указать на нее, дабы субъекты могли пройти путь от неосознанной, диффузной захваченности цинизмом к «интеллектуальному усилию», которое только и способно приблизить нас к истине. В данном случае П. Слотердаик делает ставку не только и не столько на «знание» субъекта о собственном цинизме, но на понимание того, как работает циническая установка сознания и обнаружение ее.

Таким образом, если мы оцениваем «интеллектуальную мотивацию» П. Слотердайка, то она заключается в стремлении указать на то, что циническая установка сознания предлагает легкий путь адаптации, а киническая – требует интеллектуального усилия, способствующего преодолению простой

приспособленческой схемы цинизма. Выходит, что «циник» – тот, кто адаптирует истину, а кирик – тот, кто желает отыскать ее. Слотердаjk настаивает на «частном» использовании своего рассудка для того, чтобы отыскать истину, проникнуть сквозь заблуждение и ложь собственного сознания. Тем не менее подобная установка зависит исключительно от стремления и выбора самого субъекта и не может быть навязана извне.

Следовательно, мотивация, лежащая в основе действий П. Слотердайка, в корне отличается от той, которую мы обнаруживаем у цинического субъекта. Мы можем говорить о возможности существования субъектов разного эпистемического статуса в ситуации существования диффузной цинической установки сознания и можем убедительно утверждать, что П. Слотердаjk – субъект, занимающий позицию «исследователя», что позволяет ему выдвигать нормативные суждения о субъекте. Это приводит к разному отношению к истине и, как следствие, разным основаниям для верификации собственных суждений. Для цинического субъекта – минимум усилий и ресурсов, для П. Слотердайка – индивидуальное интеллектуальное усилие.

Список источников

1. Слотердаjk П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург ; Москва : У-Фактория : АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.
2. Слотердаjk, П. Ничемный человек возвращается, или Конец одного алиби // Немецкое философское литературоведение наших дней. Антология. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2001. С. 475–507.
3. Кудрявцева В.И., Перцев А.В. Витальная геометрия П. Слотердайка: сферологический подход к пониманию человека // Общество: философия, история, культура. 2020. № 12 (80). С. 23–29.
4. Гукова А.В. Специфика познания постсовременного субъекта на фоне цинической установки сознания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 27–35.
5. Макферсон Т., Планкетт Д. Концептуальная этика, метаэпистемология и нормативная эпистемология // Kant: social sciences & humanities. 2021. № 1 (9). С. 65–80.
6. Kuenzle D. Refurbishing Epistemology. A meta-epistemological framework. De Gruyter, 2017. 260 p.
7. Zagzebski L. Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology. Oxford University Press, 2020. 380 p.

References

1. Sloterdijk, P. (2009) *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason]. Translated from German by A.V. Pertsev. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
2. Sloterdijk, P. (2001) *Nikchemnyy chelovek vozvrashchaetsya, ili konets odnogo alibi* [A worthless man returns, or the end of one alibi]. In: Smirnov, I.P., Uffelmann, D. & Shramm, K. (eds) *Nemetskoe filosofskoe literaturovedenie nashikh dney. Antologiy* [German Philosophical Literary Criticism of Our Days. Anthology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 475–507.
3. Kudryavtseva, V.I. & Pertsev, A.V. (2020) Vital geometry by P. Sloterdijk: spherological approach to humans understanding. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura – Society: Philosophy, History, Culture*. 12(80). pp. 23–29. (In Russian).
4. Gukova, A.V. (2022) The specifics of cognition of a postmodern subject against the background of a cynical attitude of consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 27–35. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/67/3
5. McPherson, T. & Plunkett, D. (2021) *Kontseptual'naya etika, metaepistemologiya i normativnaya epistemologiya* [Conceptual Ethics, metaepistemology, and normative epistemology]. *Kant: Social Sciences & Humanities*. 1(9). pp. 65–80.
6. Kuenzle, D. (2017) *Refurbishing Epistemology. A meta-epistemological framework*. De Gruyter.

7. Zagzebski, L. (2020) *Epistemic Values: Collected Papers in Epistemology*. Oxford University Press.

Сведения об авторе:

Петрова А.В. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (Томск, Россия). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Petrova A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), senior researcher, Laboratory of Logical and Philosophical Research, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.06.2022;
одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 27.10.2022
The article was submitted 20.06.2022;
approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 27.10.2022*